

АЛЕКСАНДР МЫЗНИКОВ

ЛЮБОПЫТНО ГЛЯНУТЬ ЗА САМЫЙ КРАЙ

РАЗГОВОР С ЮРИЕМ КУЗНЕЦОВЫМ

Я спросил поэта уже в годах
верит он или всё это ерунда,
что земля покоится на китах.
он подумал и мрачно ответил: “Да”.

“Остальное скрыто в кромешной мгле,
доверяю мифам и небесам:
я хожу по плоской своей земле,
потому что верю своим глазам”.

Я ответил: “Когда б я уверен был,
что к востоку от нас расположен рай,
то, наверно, сразу туда сходил —
любопытно глянуть за самый край...”

Посмотрел на меня, как на дурака:
“Для таких, как ты, он раскинул снасть...” —
и добавил: “Свалишься на рога
прямо к чёрту. И можешь совсем пропасть...”.

МЫЗНИКОВ Александр родился в 1976 году в Калуге. Окончил исторический факультет университета, Литературный институт имени А. М. Горького (семинар Станислава Куняева), учился в аспирантуре Литинститута (кафедра новейшей русской литературы). Печатался в журналах “Наш современник”, “Знамя”, “Дружба народов”, “Арион”, в антологиях современной поэзии и др. Живёт в Москве.

* * *

Я плохо засыпал под песню,
и голос мамин мне читал:
“Мороз и солнце, день чудесный!” —
и я спокойно засыпал.

...Я маму привожу в больницу.
Ей молча делают укол.
И отворачивают лица.
И честно смотрят в чёрный пол.

Когда на город тихо ляжет
последний сумрак голубой,
она из тьмы мне тихо скажет:
“Немного посиди со мной...”

И от растерянности звонче
ей наизусть читаю я:
“Мороз и солнце...”. А из ночи
она всё смотрит на меня.

* * *

В России жизнь не слишком много стоит,
и старый врач спокойно говорит:
“Возможно, это сердце беспокоит,
а может быть, и лёгкое болит...”

А стало быть — обычная работа
стихи выдумывать и в облаках летать,
бросаться в амбразуру пулемёта
и чести князю Игорю искать.

Дешевле белой марки на конверте,
крест-накрест палка на снегах твоих,
где средней продолжительности смерти
хватает часто даже на двоих.

Здесь нет вещей для жизни неопасных.
По камертону Божьего лица
длинноты русских бесконечных гласных
всю краткость искупают до конца.

* * *

Когда над чёрными московскими мостами
невидимые звёзды восстают,
и сообщает эхо голосами
о новом курсе мировых валют,

чем дышит Вашингтон и чем Оттава —
там нынче не случилось ничего,
а там народ осуществляет право
из двух подонков выбрать одного,

обман вселенский подступает ближе,
но как спокойно — только посмотри —
отравленная глянцева жиж
лиловые качает фонари,

играет в них голубоватой льдинкой,
и в дымчатом мерцает серебре,
и льётся вдаль уже рекой Неглинкой
в вонючем мраке, в каменной трубе.

ГЕРМАНИЯ

...вернётся не эхом — немецкою речью
сквозь детскую память и игры в войну.
Ты маленькой немкой меня за предплечье
удержишь — отпустишь. Я сердцем пойму:

торжественный Рейн, в твои тёмные воды
прискорбно склонившись, Европа глядит.
Теряются в небе стрелчатые своды,
и траурный звон всё сильнее гудит.

Когда бы вернулись твои крестоносцы
из наших бескрайних снегов голубых...
Отчаянны наши косцы на покосе,
Они умирают смертельней иных.

Кончаются чёрные горькие судьбы
под Тулой доской гробовой.
Но мы, как последние белые люди,
той кровью навек породнились с тобой.

Нас скоро не будет, и тёмные росы
накроют легенды, что так берегу...
И рейнская полночь, и волжские плесы,
медведи на улицах, “тигры” в снегу.

* * *

Синеют сумерки, пустеет пражский рынок,
на пандусах стихает лязг дрезин.
И затянув шнуры своих ботинок,
я закрываю фотомагазин.

Всё это жизнь, её полёт и прах,
заката всполохи и огненные лисы.
И на задах, в лабазах и кустах
в блевотине прошмыгивают крысы.

Цыганки грязные, узбеки с шаурмой,
и нищенка канючит Христа ради,
и снег кружится в дымке голубой,
и лыбятся копеечные бляди.

И снег идёт. И ты белым-бела,
жизнь моя — лови своё, не мешкай —
ты, жизнь моя, которая была
стыдливой и неловкой Белоснежкой.

Твой профиль детский, серебристый лик, —
и надо закричать, но мне не пикнуть. —
всё то, что и нельзя запрятать в крик,
ни воссоздать, ни вспомнить, ни окликнуть.

Всё то, что и зовётся красотой,
то, перед чем в бессилии немеешь.
всё возвращается с холодной чистотой,
и ты назвать всё это не умеешь...

Так на Москву ложится первый снег,
и щерятся щербатые уроды.
И попрошайки разгребают снег,
и это снег, всё это только снег
его дворца мерцающие своды.

* * *

...а человеку очень мало нужно,
а если есть, то больше ничего.
Край облака — как было там — жемчужный,
и горстка глинозёма своего.

И воздух Родины, и дым её селений,
и огоньки на дальнем берегу.
И десять неземных стихотворений.
А больше я запомнить не смогу

на чёрный день, на полдень тот зловещий,
когда созреет надо мной беда.
Когда пускают в ход такие вещи,
чтоб было, чем утешится тогда.

* * *

Скрипит автобус, снег на шубах мокрых тает,
знакомый человек окажется не тем,
и по соседству с ним всё женщина рыдает.
“Могу я вам помочь?” — “Не можете. Ничем”.

Мигает огонёк водительской кабины,
и этот старый год уже уходит прочь.
А в сумке у неё желтеют апельсины.
Но всё равно ничем, ничем нельзя помочь.

Закутанный малыш прильнул ко льду губами
с чего-то там, вдали, он не спускает глаз.
Он где-то далеко, он с нами и не с нами,
окошко продышал и видит больше нас.